

В БИБЛИИ НЕТ РУГАТЕЛЬСТВ

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

- Когда мне было года три, я повторял дома разные интересные выражения, которое слышал во дворе: я думал, что это вполне пристойные, хотя и непонятные, английские слова, но это были русские ругательства.

- Русская ненормативная лексика ведь и сейчас в Израиле очень в ходу - правда, в гебраизированном виде.

- Мне рассказывал один приятель - выходец из России - про одного своего знакомого израильского офицера, который постоянно употреблял приятные в его среде энергичные русские словосочетания. Он совершенно не понимал, что они значат, но ему нравилось, как они звучат - прекрасное выражение эмоционального выплеска. Мой приятель спросил его: "Тебе перевести?". - "Ну?". Тот перевел.

- И что офицер?

- Офицер сказал: "Это чудовищно!"

- Однако же тонкая внутренняя организация у ваших офицеров!

- Положим, я рассказал только об одном. Впро-

Когда израильский офицер узнал смысл русских слов, которые он использовал для эмоциональной разрядки, он сказал: «Это чудовищно!»

чем, я думаю, что если бы люди знали смысл некоторых ходовых русских слов и выражений, то многие, подобно этому офицеру, пришли бы в ужас.

- Используй ненормативную лексику, люди обыкновенно не думают о ее смысле, она приобретает в речи функцию восклицания и порой выражает не оскорбление, а одобрение.

- Тем не менее, оставаясь ненормативной. Вам, наверное, известно, что русский язык занял эту своеобразную нишу не только в Израиле. Маяковский в своей книге об Америке рассказывает об одном предприимчивом мальчике-эмигранте, который учил желающих ругаться по-русски - по пять центов за слово.

- То есть, совершенно не помню! И что же, этот юный филолог был успешен?

- По-моему, его бизнес процветал.

- Я знаю, что и арабские ругательства в Израиле востребованы. А что, иврит для этих целей плохо подходит?

- Смотря какой иврит вы имеете в виду. Если нынешний язык улицы, то в нем всякое есть (но, тем не менее, русские и арабские термины все же приоритетны). Если же говорить о классическом иврите, то Рамбам считал, что в нем в принципе нет, и не может быть ругательств, потому что это святой язык. И действительно: в библейском иврите вы их не встретите.

Справедливости ради надо сказать, что не все согласны с Рамбамом. Его оппоненты полагали, что такие слова безусловно были, но в силу внутренней цензуры просто не употреблялись письменно, а в устной речи до нас не дошли.

- Так что же, в Библии нет ни одного ругательства?

- Если считать ругательствами специализированные слова или словосочетания, которые используются с единственной целью кого-нибудь оскорбить, то таких действительно нет, хотя в Библии описано множество ситуаций оскорблений. Просто для этого используются нейтральные слова. Правда, можно говорить о словах, которые, не являясь сами по себе ругательствами, звучат, тем не менее, грубо. Такие есть, но их крайне мало: если искать уж особо тщательно, ну, наверное, три-четыре наберется. В последующие времена эти слова в устной речи заменяли эвфемизмами, так что, в конце концов, они оказались совершенно неупотребительными. Впрочем, в Средние века одно слово после более чем тысячелетнего забвения было реаними-

ровано. За то время, что его никто не использовал, живые соки в нем совершенно иссякли, оно усохло и стало вполне стерильным. Это слово "мишгаль", оно означает соитие.

В Библии есть множество описаний интимной жизни. Для этой цели употребляются различные слова, но это, как правило, неспециализированные слова. "Мишгаль" - исключение. Как говорится о близости Адама и Евы? "И познал... жену свою".

Здесь использован глагол, который и в современном иврите употребляется в тех же самых значениях - "знать" и "вступать в сексуальные отношения". Совершенно нейтральное слово.

- Вы говорили о метаморфозе, происшедшей со словом "мишгаль".

- Три тысячи лет назад оно было грубым и выразительным, сегодня - чисто техническим. Теперь его можно встретить разве что в книгах по медицине и психологии, и оно знакомо лишь специалистам. Однажды на лекции одна новая репатриантка из России спросила: что это значит? Вопрос ее вызвал веселое оживление. Эта женщина очень прилично знала иврит и уличные слова ее нисколько не затрудняли, но это - редкое книжное слово - она не знала.

- В Талмуде обсуждение сексуальных проблем занимает большое место. И что, тоже без специальных терминов?

- Да. Такая филологическая особенность. При обсуждении этих проблем используются исключительно эвфемизмы, порой весьма изысканные.

Я вам расскажу забавную историю. Однажды ко мне пришла одна девушка - обсудить свои проблемы. Она хотела со мной посоветоваться. Девушка очень стеснялась и говорила исключительно эвфемизмами.

- И что же вы?

- Чтобы дать ей совет, в котором она нуждалась, я должен был задавать ей технические вопросы, и я тоже пользовался эвфемизмами.

- А можно было обойтись без эвфемизмов?

- Ну, как вам сказать. Она не хотела задеть ухо раввина - я отвечал ей соответственно. Два человека играли в одну и ту же игру по общим правилам. Главное, что мы друг друга понимали.

Примечание:

Рамбам (Маймонид) - выдающийся еврейский средневековый мыслитель (1135-1204).

«ЛИМУДИМ»

Программа изучения еврейских источников

Вашему вниманию предлагается программа самостоятельного изучения классических еврейских текстов - «ЛИМУДИМ». Если вы хотите самостоятельно изучать текст Торы, больше узнать о еврейской культуре и лучше понимать ее особенности, обращайтесь к нам по адресу:

Институт изучения иудаизма в СНГ. Москва Ю9240 а/я 44.

Электронный адрес в Москве: lamed@online.ru

Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161. Наш Интернет-сайт содержит учебные и методические пособия, а также информацию о еврейской традиции, истории и культуре.

Его адрес: www.judaicaru.org

Наум Давидович Цаль

Мой отец, Цаль Наум Давидович, был одним из тех, кто со своими единомышленниками, умными, талантливыми, преданными медицинской профессии людьми поднимал службу здравоохранения в Карелии, в Петрозаводске из провинциальной и слабой в 30-х годах до современной, ни в чем не уступающей в лечебной и научной базе столичным городам.

Он прожил недолгую, но очень насыщенную жизнь.

Цаль Наум Давидович родился в 1914 году в Даугавпилсе, в Латвии. Семья его (отец, дед) традиционно занималась малярным делом. В поисках работы очевали по маленьким городкам Латвии. Один из братьев моего деда (звали деда Давид Нахимович) уехал в Россию, в г. Остров, где нашел работу, и вызвал семью моего отца в г. Остров. Обратив в Латвию дед мой вернуться уже не мог, т.к. по Брестскому миру граница для них была закрыта. Семья жила бедно. О маме своей (ее звали Рахиль Вениаминовна) папа вспоминал с теплотой и жалостью к ней. Она была тихой, безропотной, рожала много детей, но в живых остались трое, (папа старший), много работала по дому, с мужем, а папа, будучи мальчиком, искал возможность ей помочь. Он ребенком всегда где-то подрабатывал: убирал конский помет с улиц Острова, работал у аптекаря. Его сестра вспоминает, что его все любили - и учителя, и дети, все, с кем он общался. Отец учился отлично, а письменным столом его был деревянный ящик, принесенный из магазина. В возрасте 14 лет он тяжело заболел: 1928 год, на железнодорожную станцию в Остров привезли кино, он бежал, торопился, хотел пить, ледяная вода из колодца, затем ангина, осложнение, с которым он боролся до конца жизни. Эта болезнь сблизила его с доктором, который говорил родителям, что, если мальчик выздоровеет, ему надо учиться. В начале 30-х годов семья приезжает в Ленинград, где их отец сумел устроиться маляром и рабочим по ремонту на Октябрьскую железную дорогу, а мать вскоре умерла от туберкулеза. В Ленинграде папа поступил в медицинское училище, закончил его с отличием и сразу в 1932 г. был принят во Второй ленинградский мединститут. Все эти годы он рабо-

тал, в основном, фельдшером в больнице им. К. Маркса. Нужно было помогать семье, где тоже учились брат и сестра. Неоднократно учеба прерывалась из-за ухудшения состояния здоровья. Были больницы, санатории, но он боролся.

Будучи студентом мединститута, папа подрабатывал в Ленинградской филармонии, вот тогда он прикоснулся к высокому искусству, в дальнейшей жизни его всегда влекли музыка, театр, живопись. Я вспоминаю, что в нашем доме бывали люди из этого прекрасного мира искусства, он лечил многих из них, помогал молодым музыкантам осваиваться в нашем городе.

В 1937 г. папа получает диплом с отличием, его оставляли в аспирантуре, но он распределился в Карелию. Выбор этот был неслучайным, т.к. он женился на своей сокурснице, Павле Алексеевне (тогда Завьяловой). Она была откомандирована Карелией на учебу во Второй медицинский институт г. Ленинграда и вернулась вместе с мужем. Моя мама была старше, она была отцу опорой во всем, решительная, умная, требовательная, но именно она и нужна была моему папе по жизни. У нас была хорошая семья, где все любили друг друга, семья для нашего папы - это что-то святое.

С отцом 1935 год

С 1937 года он участковый врач. На свои первые вызовы в Петрозаводске он перемещался на лошади, где вместо телеги была карета с красными крестами по бокам, работал в больнице, которая располагалась на Военной улице, набираясь опыта у старого опытного врача Евгения Федоровича Луговского, преподавал в медицинском техникуме и учился заочно в аспирантуре Первого медицинского института, готовил диссертацию.

В 1941 году, в возрасте 27 лет, он становится заведующим Петрозаводским горздоровотделом, руководит эвакуацией лечебных учреждений города, медицинского персонала с семьями. Санитарная машина, где был отец со своими коллегами, покидала город последней, когда в город уже вступали финские отряды. До 1944 года трудился в г. Беломорске, оставаясь на прежней должности, с ним рядом были коллеги, которые стали гордостью Карельской медицины, с ними он был связан великой дружбой и преданностью. А в Ленинграде остались его отец и сестра. Папа использовал любую возможность что-нибудь послать в блокадный город. Не все до них доходило, но они выжили (а помог им в самые голодные месяцы столярный и малярный клей, которые у деда оставались от довоенной работы, они варили этот клей и ели).

В июне 1944 г. в Петрозаводск прибыла

первая группа врачей: Абрам Андреевич Гуткин, Лидия Тимофеевна Шунгская, Ольга Васильевна Белкина, Василий Александрович Баранов и мой отец, чтобы начать восстановление медицинского хозяйства. В 1944 году не было ни одного годного для приема больных медицинского учреждения, не пострадал только родильный дом.

До 1948 г. отец - на должности зав. горздоровотделом, в 1948 г. - главный врач больницы г. Петрозаводска и работал, как терапевт, очень хороший клиницист, особенно, если учесть, что первая ЭКГ в Петрозаводске была снята в 1948 г.

Папа много работает, контактирует с 1 Ленинградским медицинским институтом, выпускает книгу «Гипертоническая болезнь». Город пополняется новыми молодыми силами, в основном, из Ленинграда, появляется научная база, папа рядом с ними.

В 1958 г. отца назначили на должность зам. министра здравоохранения республики, но он в очередной раз попал в тяжелом состоянии на больничную койку. Совпало это с поездкой на о. Валаам, куда он поехал с коллегами, чтобы разобраться с проблемами дома престарелых, который в тот период помещался на острове, тогда они попали в шторм, была осень. Из-за болезни папа покинул этот пост и вновь работает терапевтом, но желание заниматься наукой, учить молодых перетянуло его в открывшийся в 1963 г. медицинский факультет университета.

Он очень любил свое дело, любил молодых, общался с молодыми учеными, радовался успехам медиков в городе. Он много работал дома, часто прерывал сон или какой-то досуг и по телефонному звонку с просьбой о помощи, брал свой чемоданчик и уходил, ни слова досады, ни сетования на нездоровье.

Папа был мягкий, ранимый человек. Я вспоминаю 50-е годы, когда раздавалось «дело врачей». Коснулось это и моего отца, но травля быстро угасла, т.к. не нашла поддержки ни у правительства Карелии, ни у населения города.

Папа прожил всего 57 лет, он очень любил жизнь, жил с тревогой за близких, с готовностью помочь и родным, и всем, кто к нему обращался.

Лора Брегговская

МИШКА

Среди многочисленных соседей по двору, где прошло мое детство, выделялся один – Мишка. Несмотря на вполне зрелый возраст его не называли ни Моисеем, ни Мишей, ни Михаилом, а именно Мишкой. Мишка был высок, статен, с правильными чертами лица, с антрацитовым блеском черных цыганских глаз и копной темных волос. Женщины во дворе о нем говорили вполне определенно: «красавец мужчина». Мишка не пил, не курил, не сквернословил, был деликатен, и двор к нему относился хорошо. Он нигде не работал. Целыми днями лежал на раскладушке в тени деревьев и читал романы. Читал взахлеб, книгу за книгой. Иногда приходил к нам, прося какую-нибудь книгу, лучше о любви. Порой он на несколько дней исчезал, но потом появлялся вновь. Профессия у него была особенная. Мишка был вор. Не какой-нибудь мелкий ворышка, а вор, и не только вор, а предводитель всей городской шпаны – воров, бандитов, грабителей. Он совершал удивительно дерзкие налеты на инкассаторов, сберкассы, ювелирные и меховые магазины. Не только совершал, но планировал, организовывал, возглавлял и делил трофеи. Всех дисциплинированных подопечных судил, и очень жестоко. Мишку боялись. Одно упоминание о нем вызывало холодный пот. В этом красивом, деликатном и умном человеке жил беспощадный и жестокий хищник. Не только местная, но киевская и даже одесская шпана старались не портить с ним отношений. Милиция, прекрасно зная все его «дела», предпочитала держаться на расстоянии. У Мишки было оружие, чего он вовсе не скрывал и даже давал нам, дворовым мальчишкам, подержать в руках наган.

Не менее колоритной была и его жена Кейля. По паспорту она числилась Екатериной, русской, но по-русски говорила крайне редко, явно предпочитая еврейский. Всегда вызывало большое удивление, когда эта женщина с явно русским лицом, неожиданно начинала говорить по-еврейски, с типичными интонациями, ужимками и жестами обитателей черты оседлости. Более того, Кейля отмечала все еврейские праздники: в Пасху ела мацу, в Судный день постилась, не крестилась и не ходила в церковь, отмечала лишь Рождество и на Новый год ставила небольшую елку. Многие во дворе, даже не знали, что она русская. У них был сын Изя, которому сделали обрезание, «а как же!» В детстве Кейля была беспризорной. Кто знает, как

бы сложилась судьба, если бы ее не подобрали добрые люди и не отвели в детский дом, который был еврейским. В далекие двадцатые годы такие были. Здесь ее не только отмыли, одели, накормили, но и воспитали, обучили, дали профессию. Еврейская среда стала для девочки ее средой. Так Катя стала Кейлей. Позже она работала портнихой. Кейля была красивой: стройная, хорошо сложена, с округлым свежим лицом, с ямочками на щеках. У мужчин она всегда вызывала повышенное внимание. Где пересеклись пути Мишки и Кейли никто не знает, но это была красивая пара. Между собой они жили хорошо. В семье Кейля занималась реализацией Мишкиной «продукции».

Одним из ярчайших явлений в довоенной Украине, несомненно, были базары. К ним готовились, их ждали. В базарные дни уже с рассвета улицы, ведущие к базарной площади, были запряжены бесконечными вереницами телег, запряженных лошадами или волами. На них среди разного скарба на толстом слое сена восседал хозяин с неизменным кнутом, а позади – хозяйка в ярко вышитой традиционной холщовой белой рубахе и в такой же вышитой, но черной бархатной безрукавке. На шею женщин всегда были цветистые монеты. На базарной площади скапливались тысячи людей, сотни телег, различный скот, привезенный на продажу, горы глиняной посуды, огромные вороха фруктов, овощей, вяленой рыбы и другой снеди, масса всякой утвари. Все продавалось и все покупалось.

По базару бродили нищие, на земле сидели слепые бандуристы с длинными казацкими усами, и пели старинные украинские баллады. Конечно, были и вездесущие цыгане с медведем, разные фокусники и аферисты, иногда работала карусель и кукольный театр. Базар бурлил, кишел, гудел. Здесь не только заключали торговые сделки, но и просто встречались старые знакомые, делились новостями или часами болтали ни о чем. Базар на Украине был неотъемлемой частью ее жизни, ее культуры, своеобразным всенародным праздником. Отказаться от такого захватывающего зрелища было невозможно, и я каждый раз, когда мать шла на базар, всячески старался увязаться за ней.

Однажды, пробиваясь сквозь этот шумный человеческий муравейник, мы неожиданно встретили Мишку. Он, оставив нас, попросил не уходить: «Я вам сейчас покажу театр, такого вы в жизни не видели», и он подошел к стоящему здоровенному

молодому мужику, продававшему корзину яиц. Потроговавшись, Мишка стал пересчитывать яйца, перекладывая их в подол мужиковой рубахи. Когда все яйца были переложены, Мишка совершенно спокойно расстегнул ему штаны, затем кальсоны и спустил их назем. Мужик остался голый с поднятой рубахой, доверху наполненной яйцами. Такого оборота событий ни мужик и никто другой не ожидал. На секунду все застыли с широко раскрытыми ртами и выпученными от удивления глазами, но затем начал пробиваться смешок, и громкий общий смех покотился по базару. Базар гоготал, ржал и колыхался от неудержимого смеха. Бойкие бабенки визжали, нескромно тыкая пальцем в сторону голого мужика. А несчастный стоял, не шевелясь, боясь, чтобы с рубахи не скатились дорогие ему яйца. Стоял и плакал от стыда, прося, чтобы кто-нибудь поднял ему штаны, но никто не торопился расставаться со зрелищем. Толпа такое любит. Наконец-то нашелся деревенский сосед и помог. Толпившийся вокруг народ еще немного посмеялся и постепенно разошелся. Мишка, сценарист, режиссер и директор этого «театра», довольный своей выдумкой, растворился в толпе. Конечно, это была унижительная, злая, более того, жестокая штука, но придумать ее мог только умный человек, с большой фантазией.

Позже, когда началась война, Мишка был призван в армию, воевал и погиб при взятии Кенигсберга. Изя, его сын, тоже не пришел с войны. Кейля на старости лет осталась одинокой. Будучи русской, пережила оккупацию. Когда мои родители возвратились из эвакуации, вместо прежнего дома, в котором мы когда-то жили, они застали кучу битого кирпича. Жить было негде, и они ютились прямо на улице, под открытым небом. Мерзли, голодали, болели. Там умерла моя тетя. О них узнала Кейля, нашла, забрала к себе, накормила, обогрела, выходила, спасла от верной и мучительной смерти.

Теперь, когда все они уже в мире инем, думается, что Кейля вполне заслужила, чтобы по ней сказать Кадиш и в йорцайт зажечь поминальную свечу. Она только по паспорту русская, но душой, вне всяких сомнений, еврейка. Только никто не знает, когда и где похоронена. Она пережила моих родителей.

Залман Кауфман

Из еврейской поэзии

Авраам Шлионски

(1900-1973)

Мы уже знакомимся со стихотворениями замечательного поэта Авраама Шлионского. Он родился на Украине, а в 1927 году поселился в Палестине. С его именем связан переход от могучего, ораторского и несколько как бы величозного стиха Бялика к очень личной, лирической поэзии. И еще: он один из самых блестящих переводчиков русской поэзии на иврит. Специалисты утверждают, что ни на одном языке нет такого удачного, точного и талантливо перевода "Евгения Онегина" Пушкина, как у Шлионского на современном иврите.

Перевод Цивьяна

Свет дня

Фигушки

Да будет свет! Но страшен свет.
Да будет тьма! – зову рыдая.
И не могу уже закрыть глаза я,
Как закрывал в молитве дед.

Я отвести не в силах взгляд –
Под топором наш лес, наш сад.
И танец смерти – листья по кругу.
Нет, не могу.

Лишь ночь смежает
Веки тьмой,
Свет обнажает
Ужас мой.

Себя немymi словами жгу.
Больше я не могу,
Больше я не могу.

Света глумленья, злодейства свет!
Блеска топора и сверканье бритвы.
Вечный пожар завершает рассвет.
О, сколь обилен безжалостный свет!
Гаснут слова молитвы.

А свет дневной не только ведь от солнца –
он от всех нас,
и от меня.
Планета выдыхает полусонно
слова, что суетно взвонят.

Росой набухнув, новый месяц светит
и мочит волосы в воде.
Куда ни глянешь, женщины и дети,
как символ избытия, – везде.

А мне казалось – я навек немею,
и так боялся я – а вдруг

простые части речи не сумеют
создать мир вымысла вокруг.

Но вот – лишь захочу – сквозь будни
льет вымысел прозрачный свет,
и вновь я говорю: «Да будет
все то, чего на свете нет!»

Перевод Цивьяна

Перевод Я. Либермана

Стих – «пизмон», напев – «мизмор»...
наострите ушки!
Вас порадует «пизмор» –
Русские частушки!»
***

Плохо нитке без иголки,
Плохо и наоборот.
Жить одной не много толку,
Может, замуж кто возьмет?
***

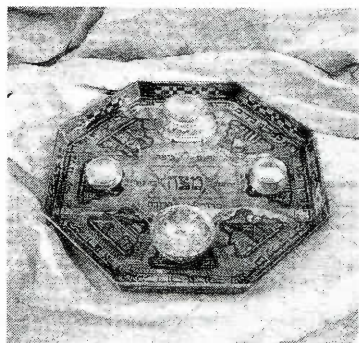
Ой, смотри не пожалей-ка,
Жизнь не прекрасный сон –
Ты литовская еврейка,
Я в Германии рожден.
***

Я девчоночка скупая,
Дарю любовь по порциям:
Поцелуй отмеряю
По степени абсорбции.

Иосиф Гин

Дорогие друзья!

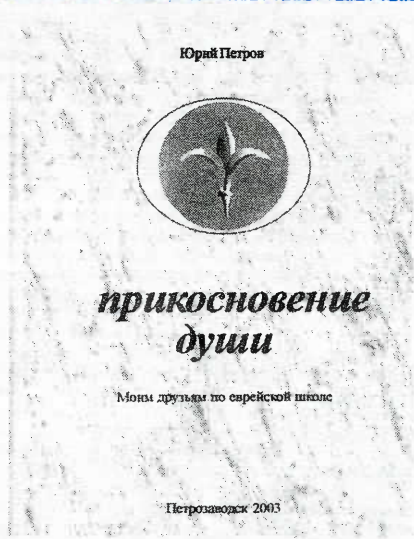

"В каждом поколении поднимаются на нас, чтобы уничтожить..." Эти слова Пасхальной Агады звучат во время седера из года в год, но всегда по-разному. Иногда они воспринимаются как воспоминание, иногда - как напоминание. Но есть времена, когда они звучат как заголовок сводки новостей. Мы живем именно в такое время. Скольким из наших соплеменников хотелось бы верить в то, что мир изменился, фараоны ушли в прошлое, сытое рабство перестало быть альтернативой свободным скитаниям в пустыне. Как порой хочется верить в поддержку ООН, в торжество разума, закона и взаимопонимания! Но реальность неумолима, иллюзии развеиваются, и ты понимаешь: "в каждом поколении" - значит действительно в каждом... И актуальны как начало этого изречения, так и конец его: "...и Всевышний, да будет Он благословен, спасает нас от их рук".

Исход - отнюдь не прошлое нашего народа, а самое что ни на есть настоящее; слова Агады - не ритуальные фразы, а страницы биографии каждого из нас. И вновь звучит обещанием и надеждой: "В будущем году - в Иерусалиме!"

Агун Шмайтман

"В этом сборнике стихи, поэтические переложения, песни, поздравления, зарисовки, сделанные от души, окрыленной встречами с друзьями в еврейской воскресной школе" - так Юрий Петров характеризует свой сборник стихов, выпущенный им недавно, и озаглавленный "Прикосновение души". Пожелаем автору дальнейших успехов, как в учебе в школе "ЙОМ РИШОН", так и в творчестве. Приводим одно стихотворение из этого сборника.

***
Воскресенье, школа, утро.
Ходят чинно, смотрят мудро.
Звук шофара. Пресса. Тора.
Говорят все сразу, хором.
Имена, дела, заботы,
Шутки, юмор, анекдоты.
Вернисажи и поездки,
Терроризм и Достоевский.
От Твери до Оклахомы
Мир родной и мир знакомый.
Вся Земля перед глазами.
Где-то там "Москва за нами".
Вновь шофар. Утихли споры...

Хэсэд Агамим поздравляет с Днем рождения
Анну Моисеевну Скибинскую
и желает здоровья, бодрости и до СТА ДВАДЦАТИ!

Наша кухня

Непеченый шоколадно-мацевый торт

150 г. маргарина, 6 стл. какао, 6 стл. сахарного песка, 2 стл. бренди или коньяка, 1 чл. растворимого кофе, ванильный экстракт, 2 яйца, квадратная маца 6 шт.

Смешать расплавленный маргарин с какао, сахаром, бренди, кофе и экстрактом по вкусу. Слегка охладить и вбить яйца. Разломать мацу, залить шоколадной смесью. Выложить в форму 30x30 см. Охладить и нарезать на квадратики.

Мацу в этом рецепте можно оставить целой, намочив ее в вине и прослив шоколадным кремом.

Мацебрай

3 квадратные мацы, 0,5 стакана молока, 2 яйца, 1 чл. соли

Намочить наломанную мацу в воде и слить. Взбить яйца с молоком и солью, вылить в мацу и перемешать. Разогреть сковородку с маслом, разложить смесь и жарить с двух сторон пока не подрумянится. Подавать как основное блюдо на завтрак или как десерт, посыпав сахаром и корицей.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**БЫТЬ ЕВРЕЕМ-
ЗНАЧИТ ВЕРИТЬ В ПРОГРЕСС,
НО ДОРОЖИТЬ ПРОШЛЫМ.**

Густав Карпелес

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ
ЛОЗОВСКУЮ Прасковью Артемовну
ТОЛМАЧЕВУ Малку Лейбовну
ШАДЕРМАН Маргариту Яковлевну
СЕЛЮЦКОГО Александра Борисовича
ВУЛЬФА Бориса Борисовича
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**